

Станюкович Константин Михайлович

Диковинный матросик

Константин Михайлович СТАНЮКОВИЧ

ДИКОВИННЫЙ МАТРОСИК

Рассказ

I

Среди тишины чудной тропической ночи колокол пробил четыре удара. Был час ночи, и до смены вахтенных было еще далеко. А спать так хотелось.

Тогда грот-марсовой старшина Аришкин, - степенный, пожилой человек, пользовавшийся на клипере* "Голубчик" репутацией самого "башковатого" матроса, который в книжке мог читать и умел огорошивать "занозистыми" словечками даже такого ученого человека, как фельдшер, проговорил, обратившись к кучке дремавших у грот-мачты матросов:

- Не спи, братцы. А то как бы вахтенный не разбудил по-своему... Небось зубы начистит.

* К л и п е р - трехмачтовый быстроходный военный корабль.

"Братцы" встrepенулись, услышавши мудрые слова, так как знали, что вахтенный лейтенант любил подкрасться, ровно кошка, и разбудить действительно "по-своему" заснувшего матроса.

Но ночь, волшебная тропическая ночь, тоже расточала свои сонные чары "по-своему", и не прошло и пяти минут после предостережения Аришкина, как уже среди кучки раздалось подхрапывания.

- Ну уж и здоровы спать, идолы! - воркнул Аришкин и, наклонившись к спящим, проговорил: - Кошка идет!

Все моментально вскочили. "Кошкой" звали вахтенного лейтенанта Пыжикова, находившего, что "распускать" матросов не следует.

Аришкин засмеялся.

- Небось проснулись?.. Садись... я вам лучше что-нибудь расскажу... По крайности сон разгонит.

- То-то Расскажи, Никоныч... уважь... А то как бы взаправду не подкралась Кошка, - заметил один из марсовых.

- Как не уважить вас, дрыхалов, уважу! - ласково промолвил Аришкин.

И плотней усевшись на бухту*, откашлялся и начал вполголоса и слегка нараспев следующий рассказ.

* Б у х т а - снасть, уложенная в круги. - П р и м. а в т о р а.

II

- Тоже вот был у нас на клипере, на "Грозящем", когда мы на нем три года тому назад ходили в дальнюю, матросик один, Васька Пернатый прозывался. Отцы его, говорил, птицеловы были, и было им прозвище "Пернатые"... Так довольно даже редкий и диковинный матрос был, братцы вы мои. Такого никогда на флоте я не видывал. Человек, прямо сказать, с понятием и по матросской части знал, хорошим рулевым был и в Кронштадте веселым человеком оказывал себя, и карахтера тихого, и вином не занимался, а как уплыли мы из Кронштадта и вошли в заграничные места, тут, значит, и вышла эта самая загвоздка...

- В чем загвоздка? - спросил кто-то.

- А в том, братец ты мой, что вовсе в расстройку вошел. И чем дальше мы уходили, тем больше он быдто тронутый понятием становился. Ни с кем не говорил, чуждался, больше один да один, и все в тоске да в тоске, братцы вы мои. Глядит этто он на море, мурлычет себе под нос песню, а сам плачет... Однако тосковать - тосковал, а службу справлял форменно... А на берег съезжал, так ни на что и не смотрел, а прямо в кабак, и привозили его два раза размертвецки-пьяно... На клипере не дотрогивался и чарки своей не пил, а на берегу, значит, тоску свою залить хотел... Дошли мы таким родом до Мадер-острова, как остановил он старшего офицера и докладывает: "Дозвольте, вашескобродие, объяснить причину". - "Объясняй!" - говорит. "Так, мол, и так, как вам, говорит, будет угодно, а нет больше сил моего терпения!" Этто он докладывает, а сам бледный-пребледный из лица и похудал весь, хотя никакой хвори в себе не имел. А старший офицер малого терпения был человек и как вскрикнет: "Ты что, говорит, такой-сякой, лясы разводишь? Говори толком, в чем дело?" Пернатый не испугался и отчесал: "Явите, говорит, божескую милость, прикажите меня сей же секунд отправить обратно в Расею, а то я преступником-беглецом могу быть! Пробовал, говорит, я всячески принудить себя и не могу, вашескобродие. Тоска сосет!"

- Ишь ты... Что ж старший офицер?

- Известно что... Подумал, что матрос огурнуться хочет от флотской службы... Сперва-наперво ровно бы ошалел, что матрос с таким диковинным прощением осмелился, а потом: раз, два, три, и пошел лупцевать. Искровянил матроса в самом лучшем виде и говорит: "Я тебе, говорит, покажу сил-терпения. Отшлифовать велю, так поймешь свою дерзость прощения". А Васька Пернатый свое: "Не пойму, говорит, вашескобродие... Не от лодырства я прошусь!" Велел ему всыпать двадцать пять. Всыпали...

- За прекословие, значит?

- То-то за оно самое. Потому старший офицер очень скор был и прекословия не позволял... Любил, чтобы молчали, хотя бы он приказал самого себя съесть... Малого терпения был человек... А который нетерпеливый - хуже глупого бывает... Одедся, значит, Васька Пернатый после порки и безо всякой это злобы и как бы в задумчивости говорит унтерцерам, кои его линьками драли: "Никакие линьки, говорит, тоски не разгонят. Дойду до капитана, и вернут меня в Расею". Слушаем мы и думаем: "Спятил матросик"; кои с дурости и смеялись. Думали: чудит человек... А он, братцы, как опосля оказалось, и вовсе не не мог совладать со своей тоской. Хорошо. Ушли мы с Мадер-острова и вскорости зашли на Зеленые острова для запаса угля, живности и свежей провизии, потому, как сказывали, с островов Зеленых прямо хотели вальнуть на Яву-остров и минуя Надежный мыс (мыс Доброй Надежды). Ден в шестьдесят переход рассчитывали, потому и запасу всякого много брали. Как услышал про это самое Васька Пернатый - на нем лица нет. Ходит по клиперу как бы в потере чувств. И исхудал же он за это время - страсть... Было ему тогда этак годов тридцать, не больше, а с

виду вроде старика оказывает... Однако до капитана не доходил... Боялся, видно, линьков... Он не очень-то их обожал... С умом человек был и хотя тихий, а обидчивый... Ладно. Стоим это мы в Портограндах (Порто-Грандо) четвертый день, грузим уголь, быков, свиней, уток и курей принимаем, у арапов пельсины покупаем, лакомимся, значит, как вдруг утром перекличка, а Васьки Пернатого нет...

- Сбежал? - нетерпеливо спросил один из слушателей.

- А ты слушай, тогда и узнаешь! - недовольно проговорил Аришкин. - А то "сбежал"!.. А может, и не сбежал...

- Так куда ж он делся?

Аришкин несколько секунд помолчал, словно бы желая, как опытный рассказчик, усилить внимание своей аудитории, и продолжал:

- Старший офицер как узнал, что Пернатый в нетчиках, очень даже осатанел. "Мы, говорит, его, подлеца, сыщем. Он беспременно от службы удрать хочет. Беглым мигрантом сделаться. Я покажу ему мигранта!.." Совсем без терпения человек был старший офицер... Не смозговал того, что Васька Пернатый в Расею бежать хотел, а он кулаками машет и кричит: "мигрант!" Это, значит, который человек со своей родины на чужую убегает, - пояснил Аришкин. - Ладно. Тую же минуту послали на берег шлюпку с мичманом к концырю, чтобы поймать, мол, и предоставить беглого казенного человека... А город этот самый Портогранда маленький... арапы больше живут... Пернатого-то скоро и разыскали в избенке арапской. После матрос, что с мичманом на поимку ездил, обсказывал, как беднягу под кроватью нашли... Забился туда... Насилу вытащили. И бросился он в ноги концырю и мичману. Плачет: "Не берите, мол, меня на клипер. Я в Расею доберусь и явлюсь по начальству. Пусть со мной что вгодно делают, но я по крайности в своей стороне буду". А мичман что может? Тоже подневольный офицер. Ему сказано доставить, он и должен был доставить. И пожалел он матросика, а привез на катере да еще для верности связал... Это жалеючи-то! - не без иронии прибавил рассказчик. - Привезли и тот же секунд без допроса, как, мол, и почему матрос от тоски на ответ в Расею бежит, - беднягу на бак и всыпали без счета... Вроде как в бесчувствии в лазарет снесли... А ведь все от непонятия... После уж только в понятие насчет матросика вошли... Тогда и старший офицер понял, что терпения в нем не было... То-то оно и есть...

В эту минуту неслышными шагами приблизился лейтенант Пыжиков. Аришкин тотчас же смолк.

- Вы тут что? Дрыхнете? - спросил лейтенант, вглядываясь в матросские лица.

Все поднялись и почти в один голос отвечали:

- Никак нет, ваше благородие!

- Я им сказку сказывал, ваше благородие! - доложил Аришкин.

- То-то... У меня на вахте поспи!.. Я разбужу! - проворчал лейтенант и пошел дальше.

III

Матросы опять уселись, и Аришкин продолжал:

- Отлежался Пернатый... Опять службу справляет... Опять тоскует... И боцман в ошалеватости... Не понимает... Однако пожалел. "Так, мол, и так, вашескобродие, как бы чего над собой Пернатый не сделал. В большой он, мол, расстройке!" - доложил боцман старшему офицеру. И старший офицер как быдто начал в понятие входить и торопливость свою оставил. "Присматривай за им, говорит, хорошенько и зря, говорит, не обескураживай боем. А

там видно будет!" Ладно. Идем это мы тропиками, как вот теперь... Благодать одна... Тепло, служба легкая... И встречали мы в этих самых местах светлый праздник... А Васька-то Пернатый быдто отходить почал от тоски эти дни... Отстояли мы заутреню... А Пернатый около меня стоял... Гляжу: молится, с колен не встает и руками лицо закрыл... Плечи вздрагивают... Плачет...

Вышли это мы наверх... разгавливаемся... А солнышко поднимается... И светло стало... И матросики веселые... Праздник-то светлый, праздник праздникам... Только Васька сам не свой. Глядит это на яйца, на куличи, не ест, и такая в его лице тоска, братцы вы мои, что и не обсказать. "Полно, говорю, Вась... Через три года вернемся, говорю, в Расею..." А он ровно и не слушает. Уставил глаза на море да как вскочит на борт... На счастье, один матрос у борта стоял... схватил его за ноги... Насилу держит. А он голосом кричит: "Пустите, братцы, нет сил моего терпения... Лучше смерть".

Сняли его с борта. Привели к капитану, - он в то время команду обходил, проздравлял. "По какой такой причине ты жизни хотел решиться, матросик, и в такой великий день? - спросил капитан. - То бежать хотел, а теперь топиться?" Тот опять свое: "Тоскую, говорит, в чужих местах". Видит капитан, что человек на извод готов. Велел позвать доктора. "Обследуйте и доложите"... Он и доложил, что у Пернатого вроде быдто болезни... мудреное слово какое-то сказал... А выходит, что тоска по родине... Ну, капитан тотчас же потребовал Пернатого и говорит: "Как придем на Яву-остров, оставлю тебя, а ты с обратным судном вернешься в Расею!" И как услышал это Пернатый, то сразу же человеком стал. В настоящее понятие вошел... Повеселел... одно слово: матрос как матрос... А как пришли на Яву-остров и велели ему на конверт (корвет) перебираться, что в Расею шел, так и обсказать нельзя, как он обрадовался... Прощается со всеми и плачет от радости... Совсем диковинный матросик был! - заключил рассказчик.

Через несколько минут он поднялся и сказал:

- Трубочонку выкурить пойду... Смотри, опять не засните, черти!

- Не заснем, Никоныч. Ты разговорил сон... Да и скоро светать начнет... Ишь заря занимается.